

РОМАН Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» В КИТАЕ

Ди Сяося

Сычуаньский университет иностранных языков; центр исследования стран ШОС при Сычуаньском университете иностранных языков, Чунцин, Китай; pinadi@163.com

М.М. Голубков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; m.golubkov@list.ru

Аннотация: Статья анализирует историю рецепции романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае. Знакомство с ним китайского читателя началось позже, чем в России и на Западе. По мнению яркого исследователя русской литературы профессора Чжана Цзянхуа, можно выделить три этапа восприятия романа Б. Пастернака в Китае. Первый начался в 1950-е годы и закончился в середине 1980-х годов. В этот период в континентальном Китае не было полных переводов «Доктора Живаго», лишь некоторые отрывки романа были переведены с испанского языка. Они носили сугубо фрагментарный характер и не давали китайскому читателю возможность представить роман как художественное целое. В это время восприятие романа в Китае было сугубо негативным и воспроизводило советские идеологические установки. Но уже в середине 1980-х годов наступает второй этап, который длится целое десятилетие и характеризуется исследованиями, основанными на серьезном и глубоком прочтении романа, который уже был переведен и опубликован в КНР. Этот период знаменовался отходом от идейно-политических штампов и приближением к проблематике романа, в первую очередь в ее социально-историческом аспекте. В центре внимания оказались категории нравственности, гуманизма, культуры в историческом контексте первых десятилетий XX века. Третий этап, связанный с постижением художественного своеобразия произведения, начался с середины 1990-х годов и продолжается по сей день. Внимание исследователей переключилось с социально-исторической проблематики романа на эстетические и философские ее аспекты. Стали исследоваться жанровые особенности произведения, религиозные взгляды писателя, трагическое в мироощущении Пастернака. Однако изучение «Доктора Живаго» в художественном и эстетическом аспектах в Китае еще только начинается. Перед учеными стоит задача поместить роман в контекст раннего творчества художника, его поэзии, с тем, чтобы сделать его своим для китайского читателя.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак; «Доктор Живаго»; рецепция в Китае; перевод на китайский язык; иностранная интерпретация

Для цитирования: Сяся Д., Голубков М.М. Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 6. С. 138–150.

PASTERNAK'S NOVEL *DOCTOR ZHIVAGO* IN CHINA

Di Xiaoxia

Sichuan International Studies University, China; ninadi@163.com

Mikhail M. Golubkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.golubkov@list.ru

Abstract: The article analyzes the history of reception of B. Pasternak's novel *Doctor Zhivago* in China. The Chinese reader's acquaintance with it began later than in Russia and in the West. According to Professor Zhang Jianghua, a prominent researcher of Russian literature, there are three stages in the perception of Boris Pasternak's novel in China. The first stage began in the 1950s and ended in the mid-1980s. During this period, there were no complete translations of *Doctor Zhivago* in mainland China, and only a few excerpts of the novel were translated from Spanish. These translations were fragmented and did not provide the Chinese reader with a comprehensive understanding of the novel. At that time, China's attitude towards *Doctor Zhivago* was influenced by the demands of orthodox ideology and mirrored the Soviet Union's stance. The second stage began in the mid-1980s and ended in the mid-1990s. It was marked by a shift away from ideological and political clichés and a focus on the novel's themes. Researchers began to explore the categories of morality, humanism, and culture in the historical context of the early 20th century. The third stage, which focused on understanding the artistic uniqueness of the novel, began in the mid-1990s and continues to this day. Social and historical analysis has been replaced by aesthetic analysis: scholars have turned to the genre of *Doctor Zhivago*, to Pasternak's religious consciousness, to the tragic elements in his work, to the inheritance of classical traditions, and to the analysis of the spatial and temporal structure of the narrative. However, the study of *Doctor Zhivago* in artistic and aesthetic terms is still in its early stages in China. Scholars face the challenge of placing the novel in the context of the artist's early work and poetry, in order to make it accessible to Chinese readers.

Keywords: B.L. Pasternak; *Doctor Zhivago*; reception of Russian literature in China; translation into Chinese

For citation: Di Xiaoxia, Golubkov M.M. (2025) Pasternak's Novel *Doctor Zhivago* in China. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 138–150.

Рецепция романа «Доктор Живаго» в Китае имеет свою историю. По политическим причинам китайский читатель познакомился с романом тогда же, когда и советский, спустя почти тридцать лет с момента публикации в Милане (1957). Но если в позднем СССР достаточно было осуществить типографский набор текста романа

и опубликовать его в «Новом мире», то для китайского читателя его нужно было перевести. Первый перевод «Доктора Живаго» вышел в свет в 1981 году на Тайване, потом в 1986-м в континентальном Китае. После этого роман был переведен еще два раза. На сегодняшний день существует четыре перевода романа на китайский язык.

Такого же взрыва интереса к роману в китайской читательской аудитории, как в русской, не последовало. Публикация романа за рубежом, а не на родине, травля Пастернака, еще более усилившийся поток оскорблений после присуждения писателю Нобелевской премии, прямые призывы к лишению советского гражданства и депортации — все эти обстоятельства, важнейшие для рецепции этого романа в русскоязычной среде, сохраняющие и по сей день свою значимость, для китайского читателя оказались не только малоизвестными, но и, пожалуй, неактуальными, малозначимыми. Суждения официозных критиков, повторявших на протяжении трех десятилетий до публикации первого перевода, как мы покажем дальше, советские формулировки 50-х годов, никакого интереса у китайского читателя вызвать не могли.

Один из основоположников современного китайского литературоведения, яркий исследователь русской литературы XX–XXI вв. профессор Чжан Цзяньхуа предлагает выделять три этапа восприятия романа в Китае. Первый начался в 1950-х и закончился в середине 1980-х гг.

Для китайского читателя важнее были не обстоятельства, сопровождавшие появление романа в СССР, а его мировое признание. Вскоре после публикации в Италии в 1957 г. роман был переведен на десятки языков, получил мировую известность, но его оценки были обусловлены прежде всего политической конъюнктурой борьбы двух мировых систем.

В это время восприятие романа в Китае было сугубо негативным и воспроизводило советские идеологические установки. «Доктор Живаго» расценивался как вредоносное произведение. Статьи о романе носили пасквильный характер: «Как Пастернака наградили Нобелевской премией?» «Гнойник или клад? — почему Нобелевская премия дана Б. Пастернаку?», «Мещанин, предатель — доктор Живаго и его создатель» [Чжан Цзяньхуа 2011: 41]. До конца 1970-х годов ситуация никак не менялась. Официальный дискурс сводился к следующему: Б. Пастернак чужд великому социалистическому делу СССР, и советский народ отторгнул его от себя. «“Доктор Живаго”, беспорядочный по структуре и примитивно прямой по содержанию, стал снарядом, которым буржуазия хочет попасть в Октябрьскую революцию и марксизм-ленинизм» [Чжан Иньлунь, Люй Тунлю, Цянь Шаньсин, Ху Чжаньчжэнь 1980: 219]. Пастернак исказил смысл

революции, не увидел всю значимость исторической роли большевиков, обнаружил недооценку личности в ходе революционных преобразований, показал, исказив реальную историческую картину, догматизм и прожектерство новой власти. Но главная его историческая ошибка состоит в том, что он поставил личное над общественным, классовым, утвердив индивидуализм как норму поведения. Таким образом, до середины 1980-х годов давление ортодоксальной идеологии исключало саму возможность литературно-критической интерпретации и научного изучения романа. На китайский язык были переведены лишь некоторые его фрагменты, которые не могли дать никакого понимания реального смысла произведения, причем переведены с испанского.

Второй этап, по мысли Чжана Цзяньхуа, начался с середины 1980-х годов и закончился в середине 1990-х. Если первый сводился к огульному политическому осуждению романа, то второй знаменовался приближением к его проблематике. Он характеризуется критической рецепцией, основанной на серьезном и глубоком прочтении романа, который уже был переведен на китайский.

Первый перевод романа был сделан профессиональным переводчиком Ван Чжаохуем и издан на Тайване в 1974 г. В континентальной части Китая в 1986 г. роман перевели совместно известные китайские русисты Ли Ган и Цзи Ган. Этот перевод можно назвать одним из самых удачных: он прост и ясен, сохраняет поэтическое и эмоциональное воплощение оригинала, его метафоричность, особенно значимую для прозы поэта, и лиричность. Исследователь русской литературы Ван Цзясинь и другие ученые рассматривают его как перевод, почти полностью адекватный русскому оригиналу. Следующим стал перевод, сделанный Лань Инъянем и Чжан Бинхэном в 1987 г. В том же году вышел в свет еще один перевод, сделанный Гу Ялином и Бай Чунъюэнем.

Объективности ради надо сказать, что каждый перевод имеет свои достоинства и недостатки, которые не дают возможности увидеть все аспекты поэтики и проблематики русского оригинала. Различное понимание переводчиками российского исторического контекста, их индивидуальный творческий опыт, различные концепции перевода (от доместикации до форенизации) обуславливают дистанцию между ними. И каждый из этих переводов актуализировался в зависимости от того, какие аспекты проблематики и поэтики этого романа выходили на первый план в тот или иной период его осмысления в китайской аудитории.

На рубеже 1980–1990-х гг. начали постепенно формироваться современные взгляды на роман. На первый план вышли такие аспекты его проблематики, как соотношение правды истории и правды

личности, интеллигенция и революция, хаос и гармония, право и свобода, что в русской традиции звучит скорее как «воля и свобода». Одна из первых исследователей Пастернака Сюэ Цзюньчжи показала, что «Доктор Живаго» не политический роман, а его герой не связан ни с белым движением, ни с контрреволюцией в принципе. Она сосредоточилась на «рефлексии над историей и призыве к человечности», полагая, что именно эта дихотомия формирует главный аспект проблематики романа [Сюэ Цзюньчжи 1989: 71]. Исследовательнице удалось поставить «Доктора Живаго» в контекст всего творчества Пастернака, начиная с раннего периода, обнаружить его эстетические взгляды, этические воззрения. Работа Сюэ Цзюньчжи внесла большой вклад в освобождение китайского литературоведения от гнета устаревших клише, влияние которых было еще вполне ощутимо на тот момент.

Чжао Ифань в своей книге «Любовь Эдмонда Вильсона к России» (1987) познакомил китайского читателя со взглядами американского ученого Э. Вильсона, с точки зрения которого, «роман “Доктор Живаго” — это самое большое событие в истории литературы и моральной истории человечества», «это поэтический роман, который связан с самой великой революцией XX века», и «этот роман является ключом, которым мы можем открыть дверь в сокровище русской культуры и душу русской интеллигенции». Комплекс проблем — «революция — история — жизненная философия — культура» [Чжао Ифань 1987: 38] — расширил взгляды китайских читателей на гуманистическую и эстетическую ценность романа «Доктор Живаго».

Этот же период характеризует появление статей, разрабатывающих новые пути исследования романа и расширяющих дискурсивный арсенал его интерпретаций, среди них: «Проблема философии и нравственности» Чжэн Ююя (1987), «Поле зрения сопоставительного исследования» Го Сяосяня (1988), «Судьба романа “Доктора Живаго” и его автора» Сяо Цзюань (1989), «Анализ лирики Пастернака» Гу Юньпу (1989), «Осознание трагедии» Гун Болу (1991), «Интерпретация поэзии футуризма» Ян Кэйсяня (1993), «Анализ гуманизма» Вань Е (1993).

Следует отметить, что китайские писатели также внесли весомый вклад в формирование творческой репутации Б. Пастернака, через него обращаясь к гуманистическому пафосу русской литературы в целом. Прочитав «Доктора Живаго», Чжан Канкан писала, что, как она всегда осознавала, ее колыбелью является русская литература, дающая веру в то, «что безобразие и лицемерие будут побеждены любовью и чувством Бога» [Чжан Канкан 1989: 122]. Хорошо известный у себя на родине писатель Е Цзюньцзянь видел в Пастернаке значительную фигуру мировой литературы [Е Цзюнь-

цзянь 1988]. Подобные суждения указывали на необратимость процесса вхождения творчества Пастернака в китайское литературоведение, литературу, в культуру в целом.

Нужно сказать, что в писательской среде оценка романа и фигуры его автора все же не была однозначной. И Шуцюань и Чжэн Сяочунь не сочли возможным отказаться от прежних интерпретаций героя романа и его автора. С точки зрения И Шуцюаня, четко осознанный, продуманный индивидуализм ведет героя к трагедии [И Сучюань 1989: 74]. Чжэн Сяочунь рассматривал роман сквозь призму марксистской критики, полагая, что абстрактный гуманизм лишил автора возможности увидеть классовый характер революционной борьбы и привел к надклассовым антиисторическим позициям. Эти писатели полагали, что Пастернак не просто искажил историю, а заблудился в ней [Чэнь Сяочунь 1990: 5]. Но подобная интерпретация не была доминирующей. Наставало время обратиться к художественному миру романа.

Следующий, третий, этап, начало которого можно отнести к середине 1990-х гг., характеризуется почти полным отказом от изучения социально-классовой проблематики. Теперь ученые концентрируют свое внимание на художественных особенностях романа и эстетических взглядах его автора. Этот этап длится и по сей день. В центре внимания исследователей — художественное своеобразие романа, его жанровая природа, религиозно-философские взгляды писателя, связь с классической традицией, трагическое как идейно-эстетическая категория.

Видный переводчик, ученый, писатель и журналист Жэнь Гуансюань полагает, что изучение русской литературы вне контекста ее христианского пафоса обедняет выводы исследования. Обращаясь к стихам, написание которых Пастернак передоверяет своему герою, исследователь выделяет в них три аспекта проблематики: любовь, страдание и раскаяние. Жэнь Гуансюань усмотрел в образе Живаго прямые ассоциации с Христом [Жэнь Гуансюань 2007: 12]. Его друг и отчасти оппонент Чжан Цзяньхуа считает, что роман Пастернака являет собой попытку преодоления духовного вакуума пореволюционной эпохи, полагая, что революция породила этот вакуум, сметя прежние философские, религиозные, нравственно-этические ориентиры и не дав новых. Почувствовать это и попытаться преодолеть этот вакуум дано таким, как Юрий Андреевич Живаго [Чжан Цзяньхуа 2011: 44].

В небольшой статье нельзя отразить все аспекты литературоведческой интерпретации романа Пастернака, философии его автора, творческой репутации писателя. Обозначим лишь некоторые. Так, Лю Шоупин показывает, что Пастернак утверждает ценность лич-

ности в движении истории и развитии общества [Лю Шоупин 1998: 107]. Дун Сяо рассматривает роман «Доктор Живаго» как эпическое произведение, видит в «Докторе Живаго» реалистический роман [Дун Сяо 2000], а Бао Гохун считает этот роман автобиографическим. Видный ученый Се Чжоу видит в романе характерную для русской философской мысли начала XX века тему преодоления смерти, наиболее ярко выраженную философией русского космизма [Се Чжоу 2002], Лю Юйбао обращает внимание на соотношение лирического и эпического, что дает возможность Пастернаку осмыслить жизненный путь главного героя эпическими и лирическими средствами, имея в виду поэтический цикл, который завершает роман. Не менее важный аспект поэтики романа, по его мнению, определяет «единство человека и природы», что «составляет основу философии этого романа и является эстетическим идеалом, ценностью, конечной правдой, к которым Пастернак всю жизнь стремился» [Лю Юйбао 2007: 35]. Современные исследователи пишут об интертекстуальности романа [Цзян Сюйян 2011], о звуковой и лексической структуре лирики Пастернака, о ее уникальной метафорической системе, об отношениях между природой и искусством, поэтом и природой [У Ди 2003: 90]. Ван Яньцю выявляет в лирике Пастернака наследие футуризма [Ван Яньцю 2006: 30].

Естественно, что внимание исследователей привлеч основному любовный конфликт этого романа и, в первую очередь, образ Лары Антиповой. В своей статье «Протест против унижения: анализ образа Лары» Чжао Шанькуй пытается вскрыть истоки ее обаяния, причины ее притягательности и природу невероятного женского очарования. Любовная линия «Живаго — Лара Антипова» безмерно обогащает как Лару, так и Юрия, дарует ему возможность насладиться обаянием ее личности. Любовь доктора Живаго к Ларисе смягчает ее чувство вины, поднимает ее на более высокую ступень, а образ ее прямо соотносится с образом Марии Магдалины из поэтического цикла романа [Чжао Шанькуй 2002: 60].

Интерпретация образа главного героя также формирует один из аспектов проблематики современной китайской русистики. Так, например, Хуан Вэй в статье «Вопрос об отношении к “Доктору Живаго”» отрицает интерпретацию его образа как образа лишнего человека. Напротив, по его мнению, в характере доктора Живаго воплощается один из вариантов русского юродства [Хуан Вэй 1997: 67]. Эту точку зрения поддержал Ван Чжигэн, писавший, что Живаго, «подобно юродивому, стоит над реальностью и мелочами жизни, он как будто внешне покоряется этому миру», но в действительности у него сохраняется духовная самостоятельность и критическое отношение к окружающему» [Ван Чжигэн 2006: 37]. Пред-

ставление о герое как юридическим определяет и предложенную Ваном Чжигэном оценку того, как реализует себя Юрий Живаго в развитии любовных линий романа. В своей жизни он знал трех женщин, но ни для одной из них не стал настоящей опорой, скорее сам нуждался в такой опоре. Он не может защитить Лару: позволяя Комаровскому обмануть себя, он отдает ему любимую женщину. Он свободен от чувства сильной избирательности и привязанности к кому-либо.

Естественно, что китайская русистика не обходит стороной и социально-политическую проблематику романа. Так, Лань Инъянь справедливо констатирует, что Пастернак, обращаясь в своем романе к самым важным историческим событиям начала XX века — Первой мировой войне, Октябрьской революции, гражданской войне, — не смог осознать и показать их историческую значимость, их воистину грандиозный масштаб. Напротив, эти события оказались заслонены от взора автора трагической судьбой нескольких человек, представителей русской интеллигенции начала XX века [Сюэ Цзюньчжи 1989: 61]. Однако Лань Инъянь далек от того, чтобы трактовать этот роман как антисоветский, становясь на позиции партийной критики 1950-х гг.

Всестороннее осмысление этого романа поставило перед китайскими учеными вопрос уже не столько о романе как грандиозном явлении русской литературы, но и о некоторых особенностях китайской литературы XX века: отсутствии произведений, ставивших подобные вопросы на китайском историческом опыте. Так, Ван Цзечжи, размышляя об истории китайской литературы прошлого столетия, приходит к выводу о том, что роман Пастернака побуждает задуматься, почему проблемы столь глобального исторического масштаба не были осмыслены китайской литературой и не оказались предметом литературно-критической рефлексии на китайском историческом опыте [Ван Цзечжи 2007: 48].

Критик и эссеист Ван Цзясинь, автор эссе «Пролог Варыкино» и «Пастернак», не только в свободной форме интерпретирует художественную специфику романа, но и говорит о сугубо китайском опыте его восприятия: «Пастернак изобразил героя на скрещении истории и его собственной загадочной жизни, и его раздумья об истории связаны с постоянными и мучительными вопрошаниями совести. А это то, что было очень созвучно китайской интеллигенции 90-х годов» [Ван Цзясинь 2007: 120].

Одним из самых знаковых явлений китайской русистики стала монография Фэн Юйчжи «Изучение творчества Б. Пастернака» (2007). Основное внимание в монографии уделяется анализу романа «Доктор Живаго». Фэн Юйчжи рассматривает роман сквозь призму его поэтики. Важным для исследователя становится рассмотре-

ние повествовательной структуры романа, анализ системы персонажей, особое внимание уделяется пейзажу в романе.

Автор монографии видит в Пастернаке яркого представителя русского Серебряного века: впитав его художественные открытия, усвоив уроки символизма и футуризма, он как бы перекидывает мосты между классической литературой и ее современными течениями и направлениями.

Автор пишет о влиянии на Пастернака романа Л. Толстого «Война и мир». Исследователь считает, что в обоих романах исследуется взаимосвязь между личностью и историей. Для Толстого в романе-эпопее первоочередное внимание уделяется «мысли народной», а для Пастернака важнее история частного человека, стремящегося к осмыслению исторических событий и своей роли в них. Если «Война и мир» — классический эпос, то «Доктор Живаго» — эпос лирический. Фэн Юйчжи считает, что в работе над «Доктором Живаго» Пастернак обращался к собственному опыту переводов Шекспира и Гете. «Гамлет» и «Фауст» прямо сказались на трактовке личности Живаго. Высокое чувство одиночества героя возводится в ранг этической, философской категории. Гамлет, противостоящий обществу, судьбе, року, как бы передает опыт своего трагического одиночества доктору Живаго.

Еще одна из важных тем монографии — преемственность романа по отношению к ранней прозе Пастернака; в «Детстве Люверс», как и в «Докторе Живаго», одиночество трактуется как глубинная потребность творческой личности и возводится в ранг философской категории. Анализируя повествовательную структуру романа, Фэн Юйчжи отмечает, что в функции автора здесь выступают повествователь и имплицитный повествователь; обсуждается также роль диалогов (в которых могут воплощаться имплицитные сюжеты), внутренних монологов, писем, дневников, воспоминаний.

Важный аспект проблематики монографии — история присуждения Пастернаку Нобелевской премии. В этой главе Фэн Юйчжи делает упор на идее жертвенности творческого поведения автора.

Глава построена на сопоставлении Пастернака с тремя другими русскими писателями — нобелевскими лауреатами. Юйчжи размышляет о характере творческой репутации каждого из четырех писателей. Сопоставляя произведения Шолохова и Пастернака, ученый обнаруживает сходство Григория Мелехова и Юрия Живаго: оба автора застают своих героев в кризисной ситуации, в состоянии дезориентированности в историческом времени.

Евангельские мотивы романа подробно описаны в монографии, прежде всего тема смерти, которая преодолевается Воскресением, чему посвящены евангельские стихи живаговского цикла. Сюда же

можно отнести тему предательства, раскаяния, грехопадения и искупления грехов, святой жертвенной любви к Богу.

Чжан Цзяньхуа, упоминаясь нами в начале статьи, видит специфику китайского литературоведения в том, что идеологические и социально-политические аспекты проблематики романа выходят на первый план, заслоняя его художественные достоинства: «мы видим в Пастернаке просто мыслителя, а не художника» [Чжан Цзяньхуа 2011: 46]. В китайском литературоведении и критике собственно эстетического подхода, обращенного к художественной стороне произведения, явно не хватает.

Чжан Цзяньхуа предлагает вести исследование творчества Пастернака в несколько иных направлениях, чем это было раньше. Прежде всего, должна сформироваться национальная специфика восприятия романа: его содержание, его проблематика должны быть соотнесены с китайским историческим опытом и опытом китайской литературы XX века. Кроме того, критика должна увидеть и оценить поэзию Пастернака — от раннего творчества к позднейшим его этапам. Тогда китайские читатели смогут увидеть Пастернака в его «доместицированной», если воспользоваться переводческим термином, версии.

Чжан Цзяньхуа, размышляя о перспективах изучения Пастернака, был прав. В настоящее время китайское литературоведение идет именно по этому пути. Исследования «Доктора Живаго» сосредоточены в основном на художественном мире романа. Приведем лишь названия наиболее знаковых работ, чтобы представить современный дискурсивный арсенал китайского литературоведения: «Художественный мир романа Пастернака “Доктор Живаго” с символической точки зрения» (2011) — диссертация Шэн Ся; «Сны, образы и метафоры в “Докторе Живаго”» (2015) — статья Ван Цзечжи, посвященная онейросфере романа. В монографии «“Неклассический” психологизм, его истоки и его “присутствие” в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”» (2015) Ди Сяоя показаны эстетические, философские и религиозные истоки психологизма Пастернака. В диссертации «О “жизнессознании” в творчестве Пастернака» (2018) Го Вэньцин раскрыла символические смыслы в образной системе романа, обратившись к «естественным» образам, «неестественным» образам и символам персонажей. В диссертации Чжан Хуй «Исследование библейского архетипа в “Докторе Живаго”» (2018) показаны библейские прототипы, соответствующие образам Лары, Живаго и Антипова.

Исследований, связанных с изучением художественного пространства в романе, сравнительно немного. Назовем статью Гуй Яньсуна «Бегство от страданий: “Доктор Живаго” с точки зрения

литературной географии» (2012), диссертацию Ван Ихан «Московское письмо» в романе Пастернака «Доктор Живаго»» (2020), докторские диссертации Ван Ляя «Изучение искусства повествования в «Докторе Живаго»» (2014) и Сунь Ляя «Исследование нарративно-го дискурса романа «Доктор Живаго»» (2016).

И все же, несмотря на более чем полувековой путь осмысления великого романа XX века, изучение художественных аспектов «Доктор Живаго» в Китае пока только начинается. Китайским ученым еще предстоит сделать этот роман своим для китайского читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чжан Цзяньхуа. Исследование творчества Пастернака в Новом Китае (после 60-х годов) // Зарубежная литература, 2011. № 4. С. 40–47 (张建华.新中国六十年帕斯捷尔纳克小说研究之考察与分析[J].外国文学, 2011, (6): 40–47).
2. Чжан Иньлунь, Люй Тунлю, Цянь Шаньсин, Ху Чжаньчжэнь. Биографии известных зарубежных писателей. Пекин, 1980 (张英伦,吕同六,钱善行,胡湛珍.外国名作家传[M].北京:中国社会科学出版社, 1980).
3. Сюэ Цзюньчжи. Возвращение советских запрещенных писателей: 5 мнений. Пекин, 1989 (薛君智.回归—苏联开禁作家五论[M].北京:社会科学文献出版社, 1989).
4. Чжао Ифань. Любовь Эдмонда Вильсона к России // Чтение, 1987. № 4. С. 35–38 (赵一凡.埃尔蒙·威尔逊之恋[J].读书, 1987, (4): 35–38).
5. Чжан Канкан. Человек с большой буквы // Зарубежная литературная критика, 1989. № 4. С. 122–124 (张抗抗.大写的“人”字[J].外国文学评论, 1989, (4): 122–124).
6. Е Цзюньцзянь. Семья Пастернака // Вэньхуэй, 1988. С. 7–13 (叶君健.帕斯捷尔纳克一家[N].文汇报, 1988-7-13).
7. И Сучюань. Судьба интеллигенции одного поколения — критика романа «Доктор Живаго» // Теория и творчество, 1989. № 4. С. 71–75 (易漱泉.一代知识分子的命运—评《日瓦戈医生》[J].理论与创作, 1989, (4): 71–75).
8. Чэнь Сяочунь. Заблуждение Пастернака: субъективное сознание писателя и отражение реальности // Литературная теория и критика, 1990. № 2. С. 4–11 (陈晓春.帕斯捷尔纳克的迷误—兼论作家的主体意识与文学真实性的关系[J].文艺理论与批评, 1990, (2): 4–11).
9. Жэнь Гуансюань. Евангелическое просвещение в стихах романа «Доктор Живаго» // Русская литература, 2007. №3. С. 10–15 (任光宣.小说《日瓦戈医生》组诗中的福音书契机[J].俄罗斯文艺, 2007, (3):10–15).
10. Лю Шоупин. «Доктор Живаго»: Размышления о судьбе личности // Зарубежная литература, 1998. № 4. С. 104–107 (刘守平.《日瓦戈医生》: 主体命运的反思[J].国外文学, 1998, (4): 104–107).
11. Дун Сяо. «Доктор Живаго» — классика в моих глазах // Русская литература, 2000. № 4. С. 50–54 (董晓.《日瓦戈医生》—我心目中的经典[J].俄罗斯文艺, 2000, (4): 50–54).
12. Се Чжоу. Трагический дух доктора Живаго // Вестник Сычуаньского института иностранных языков, 2002. № 4. С. 33–36 (谢周.论日瓦戈医生的悲剧精神[J].四川外语学院学报, 2002, (04): 33–36).
13. Лю Юйбао. Поэтические особенности «Доктора Живаго» // Русская литература, 2007. № 2. С. 31–36 (刘玉宝.日瓦戈医生的诗意特征[J].俄罗斯文艺, 2007, (2): 31–36).

14. Цзян Сюйян. Исследование интертекстуальности романа «Доктор Живаго» и поэзии Пастернака. Чанша: Средне-южный университет, 2011. Дисс. ... PhD (蒋旭阳.《日瓦戈医生》与帕斯捷尔纳克诗歌互文性研究[D].长沙:中南大学, 2011).
15. У Ди. О пейзажной лирической поэзии Пастернака // Исследования зарубежной литературы, 2003. №4. С. 86-90 (吴笛.论帕斯捷尔纳克的风景抒情诗[J].外国文学研究, 2003, (4):86-90).
16. Ван Яньцю. Танец клавиш: акустическая красота поэтического творчества Пастернака // Русская литература, 2006. № 4. С. 26-30 (王彦秋.琴键的舞蹈——帕斯捷尔纳克诗歌创作的声形美[J].俄罗斯文艺, 2006, (4): 26-30).
17. Чжао Шанькуй. Сопротивление униженности: анализ образа Лары в романе «Доктор Живаго» // Русская литература, 2002. № 5. С. 58-61 (赵山奎.反抗卑——析日瓦戈医生中的拉拉[J].俄罗斯文艺, 2002, (5): 58-61).
18. Хуан Вэй. Исследование проблемы отношения доктора Живаго // Вестник Хуйчжоуского университета, 1997. № 2. С. 66-70 (黄伟.日瓦戈医生的态度问题研究[J].惠州大学学报, 1997, (2): 66-70).
19. Ван Чжиген. Живаго и юродство // Современная зарубежная литература, 2006. №2. С. 33-41 (王志耕.日瓦戈与圣愚[J].当代外国文学, 2006, (2): 33-41).
20. Сюэ Цзюньчжи. Возвращение советских запрещенных писателей: 5 мнений. Пекин, 1989 (薛君智.回归——苏联开禁作家五论[M].北京:社会科学文献出版社, 1989).
21. Ван Цзечжи. Вековой горький стон: духовная связь Пастернака с китайской интеллигенцией // Искания и дискуссии, 2007. №9. С. 48-52 (汪介之.世纪苦吟:帕斯捷尔纳克与中国知识者的精神关联[J].探索与争鸣, 2007, (9):48-52).
22. Ван Цзясинь. Стихи писателя: откровения русско-советской поэзии // Зарубежная литература, 2007. №6. С. 114-122 (王家新.承担者的诗——俄苏诗歌的启示[J].外国文学, 2007, (6): 114-122).
23. Фэн Юйчжи. Исследования творчества Б. Пастернака. Пекин, 2007 (冯玉芝.帕斯捷尔纳克创作研究[M].北京:人民文学出版社, 2007).

REFERENCES

1. Zhang Jianhua. Study and Analysis of Pasternak's Novels in the Sixty Years of New China [J]. *Foreign Literature*, 2011, (6), pp. 40-47.
2. Zhang Yinglun, Lv Tongliu, Qian Shanxing, Hu Zhazhen. Biographies of Foreign Famous Writers [M]. Beijing: *China Social Sciences Press*, 1980, pp. 218-221.
3. Xue Junzhi. Return — Five Discussions on the Soviet Union's Ban on Writers [M]. Beijing: *Social Sciences Literature Press*, 1989.
4. Zhao Yifan. Edmond Wilson's Love in Russia [J]. *Reading*, 1987, (4): 35-38.
5. Zhang Kangkang. The Capitalized Character "ren" [J]. *Foreign Literature Review*, 1989, (4), pp. 122-124.
6. Ye Junjian. The Pasternak's family [N]. *Wen Hui Bao*, 1988, 7, 13, (3).
7. Yi Shuquan. The Fate of a Generation of Intellectuals: A Review of "Doctor Zhivago" [J]. *Theory and Creation*, 1989, (4), pp. 71-75.
8. Chen Xiaochun. Pasternak's Mistakes: A Discussion on the Relationship Between Writers' Subjective Consciousness and Literary Authenticity [J]. *Literary Theory and Criticism*, 1990, (2), pp. 4-11.
9. Ren Guangxuan. The Gospel Opportunity in the Poem of the Novel "Doctor Zhivago" [J]. *Russian Literature and Art*, 2007, (3), pp. 10-15.
10. Liu Shouping. Doctor Zhivago: Reflection on the Fate of the Subject. *Foreign Literature*, 1998, (4), pp. 104-107.
11. Dong Xiao. Doctor Zhivago — A Classic in My Mind. *Russian Literature*, 2000, (4): pp. 50-54.

12. Xie Zhou. On the Tragic Spirit of Dr. Zhivago [J]. *Journal of Sichuan University of Foreign Languages*, 2002, (04), pp. 33–36.
13. Liu Yubao. The Poetic Characteristics of Dr. Zhivago [J]. *Russian Literature*, 2007, (2), pp. 31–36.
14. Jiang Xuyang. Study on Intertextuality between “Doctor Zhivago” and Pasternak’s Poetry [D]. Changsha: *Central South University*, 2011.
15. Wu Di. On Pasternak’s Landscape Lyrical Poetry [J]. *Foreign Literature Studies*, 2003, (4), pp. 86–90.
16. Wang Yanqiu. The Dance of Piano—The Sound and Shape Beauty of Pasternak’s Poetry Creation. *Russian Literature*, 2006, (4), pp. 26–30.
17. Zhao Shankui. Resisting the Humble—Analysis of Lala in Doctor Zhivago [J]. *Russian Literature and Art*, 2002, (5), pp. 58–61.
18. Huang Wei. Study on the Attitude of Dr. Zhivago [J]. *Journal of Huizhou University*, 1997, (2), pp. 66–70.
19. Wang Zhigeng. Zhivago and holy fool [J]. *Contemporary Foreign Literature*, 2006, (2), pp. 33–41.
20. Xue Junzhi Return — Five Discussions on the Soviet Union’s Ban on Writers [M]. Beijing: *Social Sciences Literature Press*, 1989.
21. Wang Jiezhi. Century’s chanting: The Spiritual Connection between Pasternak and Chinese Intellectuals [J]. *Exploration and Controversy*, 2007, (9), pp. 48–52.
22. Wang Jiaxin. The Poetry of the Undertaker: Insights from Russian and Soviet Poetry [J]. *Foreign Literature*, 2007, (6), pp. 114–122.
23. Feng Yuzhi. Research on Pasternak’s Creation [M]. Beijing: *People’s Literature Publishing House*, 2007.

Поступила в редакцию 07.06.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Отредактирована 20.11.2025

Received 07.06.2025

Accepted 21.10.2025

Revised 20.11.2025

ОБ АВТОРАХ

Ди Сюся — кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка Сычуаньского университета иностранных языков; профессор центра исследования стран ШОС при Сычуаньском университете иностранных языков; ninadi@163.com.

Михаил Михайлович Голубков — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.golubkov@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Di Xiaoxia — PhD in Philology; Professor, Faculty of Russian Language, Sichuan International Studies University; Professor of Center for Research on SCO Countries of Sichuan International Studies University; ninadi@163.com

Mikhail M. Golubkov — Prof. Dr., Head of the Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.golubkov@list.ru